

Мотив установления родственных отношений в карельских свадебных рунах

В. П. Миронова

*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра Российской академии наук,
г. Петрозаводск, Российская Федерация,
tutkija@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Обряд карельской свадьбы сопровождался исполнением различных фольклорных произведений, которые, выполняя определённую функцию, являлись отражением ритуала. В предложенной статье, опираясь на тексты карельских свадебных рун, рассматривается, каким образом в народной традиции у невесты после замужества происходил процесс изменения семейно-родового статуса. Тема расставания с родительским домом и родом представлена в анализируемых текстах через устойчивые мотивы и образы.

Цель: опираясь на текстологический анализ с привлечением этнографического контекста, рассмотреть репрезентацию образа молодой жены, а также образы других персонажей, раскрывающих создание новых родственных отношений.

Материалы исследования: архивные и опубликованные варианты карельских свадебных рун, зафиксированных в течение второй половины XIX – первой половины XX века. Сопутствующими источниками стали диалектные словари карельского языка, разножанровые сборники фольклорных текстов.

Результаты и научная новизна: Результатом проводимого исследования является выявление и описание сюжетов, мотивов, поэтических формул и приёмов, характеризующих статус молодой жены в доме мужа и раскрывающих процесс установления новых родственных отношений. Научная новизна статьи заключается в том, что материал карельских свадебных рун в качестве самостоятельного объекта исследования привлекается впервые. Анализируемые именованные и мотив приобщения к роду рассматриваются с привлечением лингвистических и этнографических источников, что позволяет наиболее полно раскрыть их семантику.

Ключевые слова: фольклористика, карельский фольклор, карельские свадебные руны, мотив установления родственных отношений, карелы.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках госзадания КарНЦ РАН

Для цитирования: Миронова В. П. Мотив установления родственных отношений в карельских свадебных рунах // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 1. С. 52–62.

The motif of establishment of relationships in the Karelian wedding runes

V. P. Mironova

*Institute of Linguistics, Literature and History
of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation,
tutkija@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the ceremony of the Karelian wedding was accompanied by the performance of various folklore works, which performed a certain function and were a reflection of the ritual. The article, based on the texts of the Karelian wedding runes, considers how the process of change of the family and kin status by the bride after marriage took place in the folk tradition. The theme of parting with the parental home and kin is presented in the analyzed texts through stable motifs and images.

Objective: to consider through textual analysis with ethnographic context the representation of the image of a young wife and the images of other figures exposing the establishment of new kinship relationships.

Research materials: the archival and published variants of Karelian wedding runes recorded during the second half of the XIX – first half of the XX centuries. Additional sources are the dialectal Karelian dictionaries and collections of folklore texts of various genres.

Results and novelty of the research: the result of the study is identification and description of the plots, motifs, poetic formulas and methods that characterize the status of a young wife in her husband's home and describing the process of

establishment of new family relations. The scientific novelty of the article lies in the fact that the material of the Karelian wedding runes is used as an independent object of research for the first time. The analyzed names and the motif of establishment of new family relations are considered with the help of linguistic and ethnographic sources, which allows us to fully reveal their semantics.

Key words: folklore studies, Karelian folklore, Karelian wedding runes, motif of establishment of new family relations, Karelian people.

Acknowledgements: the study was carried out within the framework of the state task of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Mironova V. P. The motif of establishment of relationships in the Karelian wedding runes // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies*. 2021; 11 (1): 52–62.

Введение

Разножанровые тексты: ёйги, сольные и групповые причитания, свадебные руны и свадебные песни лирического типа – являлись основными компонентами вербального кода карельской свадьбы. Причём, причитания были связаны с локусом невесты, с ходом обрядового действия в доме просватанной и были обращены к невесте или её близким. Свадебные песни, равно как и свадебные руны, соотносились как с локусом невесты, так и с локусом жениха, т. е. они могли исполняться как невесте, так и жениху. Пространственно-временные границы функционирования этих произведений значительно шире – от сватовства, проводимого в доме невесты, до приводного стола в доме жениха. Свадебные ёйги, в свою очередь, были связаны с образом жениха и сопряжены с периодом подготовки к поиску невесты. Так или иначе, все указанные тексты являются маркерами обрядов «перехода», при которых у основных персонажей свадебного ритуала (у невесты и жениха) происходит изменение одного определённого статуса на другой.

В контексте свадебного обряда у невесты происходит тройная смена статусов: меняется её физиологическое, семейно-родовое и социальное положение [26, 271]. Примечательно, что в текстах карельских свадебных плачей наиболее полно представлена тема расставания невесты с волей/красотой/именем, тогда как в ряде свадебных рун наиболее глубоко раскрывается мотив разлуки невесты с домом, родом и присоединения её к «чужому роду» [31, 63].

Цель настоящей статьи – анализ установления родственных отношений на материале карельских свадебных рун. В ходе исследования предполагается решить следующие задачи: рассмотреть сохранившийся в свадебных рунах процесс установления семейно-родственных отношений между молодой женой и семьей мужа, выявить определённые мотивы и образы карельских свадебных рун, отображающие данный процесс.

Теоретической базой являются работы Л. Олсон и С. Адоньевой [18], Ю. Ю. Сурхаско [24, 25], А. К. Байбурина [1], Т. А. Бернштам [2], А. В. Гуры [5], касающиеся проблемы статуса женщины и его изменений в контексте различных обрядов, а также фундаментальные исследования В. Я. Проппа [19], Е. М. Мелетинского [17], Б. П. Кербелите [10], Т. В. Краюшкиной [13], С. М. Толстой [26] и др., рассматривающих данную проблему на примере волшебных сказок и причитаний.

Научная новизна настоящего исследования заключается в том, что на материале карельских свадебных рун впервые разработана тема установления родственных отношений, не нашедшая до сих пор реализации в фольклористике. Кроме того, исследование проводится с привлечением данных смежных наук: этнографии и лингвистики. Актуальность обозначенной проблемы продиктована повышенным интересом специалистов различных областей к институту родства.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней охвачен круг ранее недостаточно изученных вопросов, в частности, описан образ молодухи с привлечением карельских фольклорно-этнографических источников, представлена характеристика внутрисемейной коммуникации между невесткой и членами нового для неё рода мужа.

Практическая значимость исследования состоит в том, что выявленные данные смогут уточнять имеющиеся сведения в области семейных отношений.

Материалы и методы

Материалами для исследования послужили архивные и опубликованные варианты карельских свадебных рун, зафиксированных в течение второй половины XIX – первой половины XX века. Ранние записи были произведены финскими исследователями, поздние – учёными Института

языка, литературы и истории КарНЦ РАН. Дополнительными источниками стали различные диалектные словари карельского языка, а также разножанровые сборники фольклорных текстов.

В ходе написания статьи использован ряд методов: описательный, метод текстологического анализа, сравнительно-типологический, а также метод комплексного рассмотрения фольклорных явлений.

Результаты

Ареал распространения свадебных рун ограничивается северными районами Республики Карелия, где проживали носители собственно карельского наречия карельского языка. К данной языковой группе относится Калевальский, Лоухский, Беломорский, Муезерский районы. Именно на этой территории на протяжении XIX-XX веков силами финских и российских учёных велась активная собирательская работа. Имеющиеся в нашем распоряжении тексты свадебных рун можно условно разделить на две группы: исполняемые в доме невесты и исполняемые в доме жениха. К последней относятся цикл сюжетов, объединённый общим названием «Мир ждал новолуния» («Miero vuotti uutta kuuda»), основной тематикой которого была встреча молодой жены.

В большинстве вариантов завязка рассматриваемых свадебных рун образно описывает это событие и указывает на его значимость:

Miero vuotti uutta kuuta,
A talo nuorta mošijanta,
Niin kuin päivyä nousijaista,
Niin kuin päivyä nousijaista¹.

Мир ждал нового месяца,
Дом ждал молодую невесту,
Как солнца восходящего,
Как солнца восходящего².

Важность появления невестки в семье жениха просматривается через символические сравнительные формулы, она была необходима, как «просмоленная лодка» или «просмоленные сани»:

Miero vuotti uutta kuuda,
<...>
Vezi tervaista venehtä,
Lumi tervaista regiä. [32, II, 552]

Мир ждал нового месяца,
<...>
Вода – просмоленной лодки,
Снег – просмоленных саней.

Прихода снохи ожидали не только все члены большой семьи супруга: «*Vanhoilta silmätki valu, / Ikkunoilta katsuessa, / Nuorilta jalatki vaipu, / Rantatietä jousnessa*»³ ‘У стариков глаза прослезались, / Пока смотрели в окно, / У молодых ноги устали, / Пока бегали по берегу’; но и домашние животные: «*Lehmät vuottau aivoin ammuin / Aika vihkon antajua*»⁴ ‘Коровушка заждалась рано утром / той, кто будет давать ей сена охапками’; также разные части избы: «*Pirttiki perin pyörähteli / Sinčči šiipyin šiirtelekši, / Skiäkä šelkiä šelteli*»⁵ ‘Даже изба как-то кругом пошла, / Сени, как на крыльях зашевелились, / И даже дужка в дверях сдвинулась’.

Как известно, в ходе свадебного обряда происходит установление новых родственных отношений: молодая жена как представитель иного мира входит в дом мужа, где чужими для неё является и род, и локус [1, 75–76; 2, 76–121]. В карельской традиции приобщение к новому пространству и новому социуму происходило обычно в течение шести недель. Схожий лиминальный период переживают роженицы, появившиеся на свет младенцы и ушедшие в иной мир усопшие [6, 216; 4, 155; 11, 174–194; 25, 36, 37, 43, 48, 113].

Обряды перехода нашли своё отражение в карелоязычной лексике, в частности, в способах номинации женщины, вышедшей замуж и переехавшей в дом мужа: Известно, что в семье мужа молодую жену уже не называли по имени. В большой семье к ней чаще всего обращались, как к невестке (кар. *min'n'a, neveskä*). Муж звал её до рождения ребёнка *morzien, mičoi* ‘молодица, молодуха’, это наименование сохранялось, если первым её ребёнком был сын. После рождения дочери её уже называли *akka* ‘баба’.

¹ Научный архив Карельского научного центра РАН (далее НА КарНЦ РАН). Ф. 1, оп. 2, колл. 26-2/7 (фольклорные записи 1948 г.).

² Здесь и далее перевод с карельского языка выполнен автором статьи – В. М.

³ НА КарНЦ РАН. Ф. 1, оп. 2, колл. 17/5 (фольклорные записи 1941 г.).

⁴ НА КарНЦ РАН. Ф. 1, оп. 2, колл. 14/12 (фольклорные записи 1939 г.).

⁵ НА КарНЦ РАН. Ф. 1, оп. 2, колл. 28/202 (фольклорные записи 1956 г.).

Кроме того, у карелов существовал обычай называть женщину, перешедшую в семью мужа, не по её собственному имени, а по имени мужа или свёкра, например, Puavilan paini ‘жена Пуавила’. По другим сведениям, «молодому в доме мужа сначала шесть недель называли невестой, потом её называли невесткой, невесткой называли все, вся семья, только муж называл по имени» – «*nuorikko on miehelässä ensin 6 viikkoa morsiamena, sitten häntä aletaan kutsua neveskäksi. Neveskäksi šanottih kaikki, koko pereh, mieš vain šanoi nimie myöte*» [29, III, 483]. Указанные примеры наглядно демонстрируют, что прибывшая в дом мужа молодая жена не только теряла связь со своей семьей, но практически лишалась своего собственного имени. В текстах карельской свадебной лирики упоминание о таком обычае встречается лишь в одном варианте свадебной руны [28, 228]. Однако, в свадебной поэзии ижор, народа, который генетически был тесно связан с карелами, подобного рода примеры зафиксированы в большем количестве вариантов:

Kui kassa kaotetaa,
Nimi toine muutetaa. <...>
Nimi toine nostetaan,
Papin pantu heitetään. [30, 347]

Когда косу отнимут,
Имя другое дадут.
Имя другое дадут,
Попом данное отнимут.

Аналогичный обычай получил распространение и в севернорусской традиции, где для номинации жены сына активно использовали термины невестка, сноха, молодка. Однако с течением времени происходил обратный процесс: бытующие термины родства повсеместно стали заменяться личными именами [9, 164]. Согласно собственным наблюдениям, в карелоязычной среде процесс замещения указанных терминов на имя закончился достаточно поздно, примерно в конце XX века.

Утрата имени невесты отобразилась также и в причетной традиции. Рассматривая тесты карельских причитаний, замечаем, что широко употребляемые кар. слова *nimi*, *nimyt*, *nimiset* ‘имя, имечко, имечки’ тождественны девичьей воле, девичеству. Указанные лексемы являются частью

сложных слов: *osranimiset* ‘ячмень-имечки’; *kananimiset* – ‘курица-имечки’ [22, 221]. В данном случае потеря имени означает прощение с девичьей волей, или утрату прежнего статуса:

«*Anna ualtovetysih aijah luajittelen aijan nuoret allinnimyseni, kun oli aijan viimeiset jo allikylyset*» ‘«Дай-ка спущу в воду на волны своё молоденькое имечко уточки-морянки, ведь была эта последняя баенка уточки-морянки»’ [8, 110].

По справедливому замечанию А. В. Гуры, «противостояние двух родов осмысляется в свадебном обряде как оппозиция свой – чужой» [5, 116]. Схожая коллизия, выражающаяся в сравнении своего и не своего пространства, к примеру, своего и не своего дома или двора, отчётливо просматривается в текстах карельских свадебных рун:

Et ole muamoš manterilla,
Etkä tuattoš tanterilla,
On kylän pistyä pihojä,
Tašasija tanterija⁶.

Не у матери теперь ты,
Не к отцу во двор вошла,
Здесь стоят дома чужие,
Здесь широкие дворы.

Piha on aššelda pitempi,
Kynnyš hirttä korgiembi⁷.

Тут на шаг дворы длиннее,
На венец пороги выше.

Причём, чужие дворы практически всегда шире и длиннее своих, а пороги домов непременно выше. Указанные признаки являются маркерами нового чужого пространства.

Зачастую в анализируемых вариантах карельских свадебных рун происходило сопоставление своего и не своего распорядка в доме, в семье:

Toisin toissa taloissa,
Toisin mailla vierahilla
Ei kuin ei emosi koissa,
Eikä isäs kartanoissa⁸.

По-другому в новом доме,
По-другому на чужой земле,
Не так, как в доме матери,
Не так, как в усадьбе у отца.

⁶ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 2609/7.

⁷ НА КарНЦ РАН. Ф. 1, оп. 2., колл. 35/92 (фольклорные записи 1937 г.).

⁸ НА КарНЦ РАН. Ф. 1, оп. 2., колл. 17/5 (фольклорные записи 1941 г.).

Признаки иномирности дома жениха и его представителей выявляются также в номинациях основных персонажей чужого рода. В текстах карельских свадебных рун они представлены в виде атрибутивных словосочетаний, образованных при помощи постоянного эпитета «чужой/ая» и различных символов с так называемыми низкими образами [21, 251]. Зачастую свекровь – это «чужая бабка» и «медведица в подполье», свёкр – «чужой старик» «волк в углу», деверь – «змея возле порога», золовка – «гвоздь в стене». Именно эти персонажи становятся «опасными» для молодой невестки:

Ukkon suzin ulahušta,
Siula pidäy varata.
Akan karhun karjahušta
Siula pidäy varata.
Kuvyn kylmijä šanoja
Siula pidäy varata.⁹

Волчьего воя свекра
Тебе надо бояться.
Свекрови медвежьего рыка
Тебе надо бояться.
Деверя ледяных слов.
Надо бояться.

Несколько слов следует сказать о встречающихся в анализируемых текстах так называемых низких образах, к числу которых относятся образы волка, медведя, змеи. В карельской традиции образ медведя полисемантичен, наряду с другими значениями он характеризует злого человека, карелы говорят: «*kačot ku kondii*» [27, 86] ‘смотришь, как медведь’, «*kolmepiähine kondii*» [27, 86] досл. ‘трёхголовый медведь = злыдень’, «*koinkondii*» [27, 86] ‘домашний медведь = злыдень’ и т. д. Волк символизирует сварливого, придиричивого человека, говорят: «*sui on avvoi ku hukal, horohottau avokeroi*» [29, II, 326] ‘рот, как у волка, кричит сварливый’ и т. д.

Змею в фольклорной традиции, в том числе и карельской, соотносят с потусторонним миром. Так, например, в карельской похоронной причётной традиции при описании пути в мир иной встречается упоминание, что «душа умершего

проходит через непроходимые леса и топкие болота, в которых притаились змеи» [12, 49]. Любопытным, на наш взгляд, является сравнение золовки с гвоздем в стене. Вероятно, обуславливающим в появлении сравнений деверь – змея, золовка – гвоздь в стене является не сколько их причастность к роду мужа, а, вероятно, характер установления коммуникаций между этими персонажами: как известно, деверья и золовки преследуют невестку.

Одним из основных признаков в символике медведя, волка и змеи является их причисление к категории «чужой», в народном миропонимании эти зооморфные и хтонические образы осмысляются как таковые. В наших примерах «чужими» являются все представители рода мужа. Однако в свадебных рунах, на наш взгляд, указывается не столько на принадлежность их к другой новой ещё пока для невестки социальной группе, сколько на установление взаимоотношений между ними. Кроме того, появление названных уподоблений может усиливать негативную оценку этих персонажей, которая изначально характерна таким терминам как свёкр, свекровь и т. д. [3, 34].

Новое, «не своё» пространство с опаской принимает молодуху: «недовольна кладовая, порог отворачивается, дверная ручка свернулась в рог»¹⁰. Для того, чтобы обеспечить себе благополучие в новой семье и не оказаться в полном подчинении у мужа и его родни, нужно было совершить ряд апотропеических действий: подняться из повозки (или из лодки) без помощи других, «наступить одной ногой на ступеньку, чтоб ступенька провалилась, другой – на землю». Таким способом невеста стремилась обеспечить себе если не господствующее, то хотя бы заметное положение в новой для неё семье мужа при вступлении в его дом. Помимо описанных действий, переступая порог, молодая жена чуть слышно произносила: «*Hukka pertih, lambahat laučan alla*» ‘Волк в избу, овцы – под лавку!’ Подобные приговоры были зафиксированы и на Русском Севере: невеста, в первый раз зайдя в дом к жениху, приговаривала: «Волк в избу, овцы – вон, хозяйка пришла!» [15, 237].

Приехав в дом мужа, молодая жена передвигается по двору (по новому для неё пространству)

⁹ Карельская народная песня, № 151, 102 (далее – при цитировании Карельская народная песня (сокращенно – КНП); первая цифра – номер текста, вторая – номер страницы).

¹⁰ НА КарНЦ РАН. Ф. 1, оп. 2, колл. 26-2/10 (фольклорные записи 1948 г.).

тихой поступью гусыни или чирка, что, вероятно, символизирует её неполноправный статус:

Astu hanhen askelilla,
Taputa tavin jaloilla.
Näitä oiestyjä pihoja,
Apen suamia pihoja,
Anopin asettamia.¹¹

Ступай шажками гусыни,
Топай ножками чирка,
По этим прямым дворам,
По дворам свекра,
По земле свекрови.

Уподобление невесты птице (лебедю, гусыне, чирку) широко распространено в карельских свадебных текстах [20, 50–52], подобная орнитоморфная символика свидетельствует о «переходном» состоянии невестки. Кроме того, использование орнитоморфных образов в свадебных текстах может свидетельствовать о символическом осмыслении свадьбы как некой охоты.

В рассматриваемых свадебных рунах постоянным является мотив приобщения к новому дому, происходящий посредством ритуального приветствия:

Terveh, piha täysinesi,
Terveh piha vierahaine. [32, I, № 1683]¹²

Terveh, tanhuo täysinesi. [32, I, № 1735]

Terveh tupa, terve sintsi,
Terve tervehyttäjille,
Terve kaikki ristikansa. [32, I, № 1686]

Здравствуй, дом и все в нём,
Здравствуй, чужой двор.

Здравствуй, хлев и все в нём.

Здравствуй, дом, здравствуй, крыльцо,
Здравствуйте, все приветствующие,
Здравствуй, весь народ.

В карельской традиции, как, впрочем, и в русской, аналогичные приветствия-приговоры произносились при входе в новый дом, в хлев, в баню, т. е. в некое неосвоенное пока ещё человеком пространство. Слова новобрачной, находившейся в лиминальном состоянии, в данном случае, вероятно, были обращены к духу-хозяину новых для неё покровителей дома, хлева и произносились с целью приобщения к новому роду, новому социуму [14, 167].

Несмотря на все проведённые обрядовые действия, молодая невестка после замужества, попадая в семью своего мужа, как правило, оказывалась при этом в наиболее низкостатусном положении по отношению к другим членам этой семьи. Про неё говорили: «*Neveskäl pidäv olla hätki vie käzienalazennu*» [29, II, 565–566] ‘Невестке надо ещё долго быть «под руками»’, т. е. следовало быть послушной, покорной. В анализируемых рунах в поэтической форме это описывается следующим образом:

Nuori selkä notkumini,
Pistykakla kuartamini,
Unikontti unohtamini,
Unikontti unohtamini
Tuaton muamon uunin korvalla.
Kuimpa kerran kukko laulaa,
Vielä ei toista virkakkoh,
Silloin on nuoren nousu aika¹³.

Молодую спину придётся изогнуть,
Стройную шею склонить,
Кошель со сном забыть,
Кошель со сном забыть,
На плече печки отца-матери.
Как в первый раз петух запоёт,
Второй раз пусть не успеет,
Тогда молодухе надо проснуться.

В целом в цикле сюжетов «Мир ждал новолуния» отражён характерный для многих культур традиционный комплекс неких норм поведения женщины, согласно которым очерчивался определённый временной промежуток, когда статус невестки демонстративно занижается относительно

¹¹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1, оп. 2, колл. 18/30 (фольклорные записи 1947 г.).

¹² Далее при цитировании Suomen kansan vanhat runot под № указывается номер текста.

¹³ НА КарНЦ РАН. Ф. 1, оп. 2, колл. 28/202 (фольклорные записи 1956 г.).

других членов семьи и рода. Так, например, в карельской традиции невеста шесть недель отбивала длинные поклоны, низкие поклоны прежде чем садилась есть – *kuuši netälie moršien kumarti pitkie poklonoja, syviä kumarruksia šyömäh ruvetešša* [29, II, 346]. Обычай нашёл поэтическое воплощение в рунах:

Oma tuatto heittämini,
Akka armoih ottamini,
Alemma kumartamini,
Alemma sitäki vielä¹⁴.

Отца своего оставить придётся,
Свекровь полюбить надо,
Низко ей кланяться,
Кланяться ещё ниже.

Подобного рода поклоны отбивала и роженица, демонстрируя подобающие ей как невестке покорность и почтительность по отношению к свекрови, свёкру и другим родственникам [25, 38–39].

Несмотря на наличие ряда положительных качеств у невестки (она, несомненно, была и работающая, и довольно легко могла найти общий язык с окружающими её людьми) карельская традиция наглядно демонстрирует пренебрежительное отношение к этому персонажу, что, вероятно, являлось, неким устоявшимся обычаем в деревенском социуме в целом. В данном случае наибольший интерес представляет, в первую очередь, отношение свекрови и невестки. Именно свекровь (мать жениха, старшая женщина в доме) была главой семьи, без её согласия молодые, прибывшие со свадебным поездом, не могли зайти в дом [24, 167]. Оппозиция «свекровь-невестка» нашла своё яркое отражение в карельских пословицах. Карелы говорили: «*Muatuškal on hambahat pitkäd*» [29, III, 341] ‘У свекрови большие зубы’; «*Seizailline istoillizen ken (miniä anopin kanssa) ni koz älä paginal rubie, se salboau sinul suun*» ‘Стоящая с сидящей (невестка со свекровью), никогда не разговаривай, она не даст слова тебе сказать’ [29, V, 317]. Кроме того, свекровь всегда сравнивала свою дочь и невестку: «*Pidäyhäi oma silmäine työndeä, belmain ottoa (ts. tytär oli hyvä, miniä on raha)*» ‘Надо же свою глазиночку отправить, а

бельмо взять (досл: своя дочь хорошая, а невестка плохая)’ [29, V, 384].

Именно свекрови нужно было в первую очередь кланяться, слушать и любить её:

Oma muamo heittämini
Akka armoih ottamini¹⁵.

Свою мать ты забыть должна,
Чужую бабушку полюбить должна.

Будущие свекрови мечтали о смиренной невестке, желали покорную жену своему сыну. Тексты карельских ёйг, исполняемых женихам в период поиска невест, неоднократно указывают на это: «*Šuauko kanan kašvuo myöten kantajaiseh?*» ‘Добудет ли курочку по складу его выносившей?’ [7, 61]; «*Ka vet kuin rupieu alli aštumah aikajaistah myöten?*» ‘Да ведь сможет ли морянка угодить его создавшей?’ [7, 51–52].

В соседствующей с карелами севернорусской традиции водлозеров просматривается аналогичная картина, о чём писал К. К. Логинов, подчёркивая, что «рядовые невестки в патриархальной семье имели более низкий семейный статус» [16, 7].

Непростые отношения складывались у невестки с деверями и золовками: «*niitä sie kovin varaja: kuvun kylmijä šanoja, navon niskanakkeloja*» ‘их ты больше всего бойся, деверя холодных слов, золовки, за тобой смотрящей» (досл. смотрящей за твоей шеей, отправляющей на работу)’ [29, II, 539] Однако золовку боялись больше, чем деверя: «*Nado on kui mado*» ‘Золовка, как змея’ [29, III, 460]; «*Nadoloi da madoloi vai olloo taloiz, ga ainos pidäy heidy šuorittamaz olla*» ‘Золовки и змеи если есть в доме, всё время им прислуживать надо» [29, III, 460]; «*Nadoloin kere eläjes, ei uni piäh tule*» ‘Живя с золовками, не поспишь спокойно’ [22, 221].

Новый статус молодой жены обязывал подчиняться членам новой семьи («старика, старуху, деверя и золовку покорно ты слушать должна»). Невестка должна была служить чужому роду, работать, не покладая рук: «*Unešta uneh pientä lašta, työštä työh moršienta*» [29, III, 346] ‘Как младенец из сна в сон, так и невестка из одной работы в другую’. В новом доме обязанности невестки ограничивались по преимуществу тем,

¹⁴ НА КарНЦ РАН. Ф. 1, оп. 2, колл. 1/45 (фольклорные записи 1946 г.).

¹⁵ НА КарНЦ РАН. Ф. 1, оп. 2, колл. 28/114 (фольклорные записи 1956 г.).

что определяла свекровь, независимо от хозяйственных навыков, которым к моменту замужества могла владеть девушка [18, 87].

Карельские свадебные руны ярко описывают каждодневный труд молодой невестки:

«Ota hienot hiiren korvat,
Kebiät kirpun jallat,
Pane siibyöt sizellih,
Kunne pöly pölähtäy –
Sie siivellä siivuot,
Pane luzikat luguzih,
Astiet arvozih,
Stobi ei koirat kanneldais,
Pendukoirat peiteldäs»¹⁶.

«Займи у мыши уши острые,
Займи у блохи ноги быстрые,
Займи у птицы крылья лёгкие.
Где пыль садится –
Крылом эту пыль смахни.
Ложки в доме пересчитай,
Держи в почёте всю посуду,
Чтобы собаки не растаскали,
Чтобы щенки не попрятали».

Однако, что любопытно, в текстах свадебных рун встречаются примеры, когда невестку призывают не всегда беспрекословно подчиняться устоявшимся правилам поведения в новой для неё семье:

«Rupiet vuatteitä pesömäh,
Ukon vaattiet uloš heitä,
Akan vuattiet aittah heitä,
Kuvyn vuattiet kylyh heitä,
Navon vuattiet nuaklah heitä»¹⁷.

«Станешь ты бельё стирать –
Выбрось вон одежду свёкра,
Брось в амбар свекрови платье,
В баню – деверя одежду,
На гвоздь – золовки платье».

Действительно, с течением времени положение молодой невестки в семье мужа могло измениться по

причине возникновения некоего сопротивления сложившимся устоям. Это нашло своё отражение в паремии: «*Vai se (nim. miniä) vuven eläy, ga hammas kazvau, toižen eläy, ga toine kazvau*» 'Если она (молодуха) год проживёт, у неё зуб вырастет, два проживёт – второй вырастет» [29, V, 697]; «*Ylen on julgei nevesky, muatkoi vähän maltau*» 'Очень строгая невестка, свекровь ничего не смеет [при ней] делать' [22, 106].

Подобное противоречие становится объяснимым, если рассматривать фольклорные тексты не как прямое отражение жизни, а как некую речевую формулу, которая структурирует социальное пространство в символах власти и иерархии. При этом реальные практики и отношения могли отличаться и иметь специфику [18, 249].

Обсуждение и заключение

Таким образом, при проведении анализа удалось выяснить, что в карельских свадебных рунах нашли отражение элементы установления новых семейно-родственных отношений, характерных для свадебной традиции в целом. В частности, тексты описывают, как происходило приобщение к роду посредством приговоров. Кроме того, в рассматриваемых вариантах рун нашли своё отображение обычаи первых шести недель после вступления в брак¹⁸, которые, прежде всего, носили воспитательный характер и были направлены на становление и дальнейшее укрепление родственных отношений. Молодому учили правильно вести хозяйство, соблюдая при этом покорность и смирение. Выявлены устойчивые поэтические приёмы, иллюстрирующие характер отношений между семьёй мужа (свекровью, свёком, деверями и золовками) и молодой женой. Постоянные эпитеты «чужой/ая» в совокупности с низкими образами отображают данную сложную коллизию. Многочисленные примеры паремии, сохранившиеся в карельской традиции, наглядно демонстрируют низкостатусное положение жены сына в новом доме. Однако в ряде пословиц просматривается внутренний протест невестки следовать существовавшим ранее формам семейных отношений.

¹⁶ НА КарНЦ РАН. Ф. 1, оп. 2, колл. 63/105 (фольклорные записи 1937 г.).

¹⁷ ФА 2609/7.

¹⁸ Промежуток в шесть недель – это переходный лиминальный период, в течение которого происходит полное отчуждение от мира своего и приобщение к миру иному, т. е. к миру мужа.

Сокращения

кар. – карельский
досл. - дословно

Список источников и литературы

1. Байбурун А. К. Ритуал в традиционной культуре. СПб.: Наука, 1993. 242 с.
2. Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука, 1988. 280 с.
3. Бурькин А. А., Попов В. А. Русская терминология родства и свойства: историческая динамика, аксиологические поля, коммуникативный дискурс. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2020. 320 с.
4. Винокурова И. Ю., Минвалеев С. А. Поминальная обрядность карелов-людигов: ареальная характеристика на фоне общих и локальных традиций соседних народов // Этнографическое обозрение. 2018. № 4. С. 152–170.
5. Гура А. В. Механизмы создания новых родственных отношений в свадебном обряде // Категория родства в языке и культуре. М.: Индрик, 2009. С. 116–128.
6. Иванова Л. И., Миронова В. П. Досвадебная обрядность и свадебный ритуал карелов: исследования и материалы. Петрозаводск: Периодика, 2018. 365 с.
7. Карельские ёйги / подгот. Н. А. Лавонен, А. С. Степанова, К. Х. Раутио. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1993. 239 с.
8. Карельские причитания / подгот. А. С. Степанова, Т. А. Коски. Петрозаводск: Карелия, 1976. 532 с.
9. Качинская И. Б. Термины свойства в архангельских говорах: жена сына – невестка, сноха, молодка // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2016. № 3. С. 163–167.
10. Кербелите Б. Историческое развитие структур и семантики сказок (на примере литовских волшебных сказок). Вильнюс: Вага, 1991. 380 с.
11. Конкка А. П. Свадебная обрядность // Народы Карелии: историко-этнографические очерки. Петрозаводск: Периодика, 2019. С. 174–194.
12. Конкка У. С. Поэзия печали: карельские обрядовые плачи. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1992. 295 с.
13. Краюшкина Т. В. Мир семейных отношений в русских народных сказках. Владивосток: Дальнаука, 2005. 200 с.
14. Криничная Н. А. Русская мифология: мир образов фольклора. М.: Академический проект, 2004. 1008 с.
15. Кузнецова В. П., Логинов К. К. Русская свадьба Заонежья (конец XIX – начало XX вв). Петрозаводск: КНЦ РАН, 2001. 328 с.
16. Логинов К. К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 424 с.
17. Мелетинский Е. М. Миф и историческая поэтика фольклора // Избранные статьи. Воспоминания. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1998. С. 11–32.
18. Олсон Л., Адоньева С. Традиции, трансгрессия: Миры русской деревенской женщины. [Пер. с англ. А. Зиндер]. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 440 с.
19. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
20. Рахимова Э. Г. Водоплавающие птицы в рунах калевальской метрики // Труды Карельского научного центра РАН. 2015. № 8. С. 46–55.
21. Селиванов Ф. М. Поэтика былин в историко-филологическом освещении. М.: Круг, 2009. 312 с.
22. Словарь карельского языка / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. 495 с.
23. Степанова А. С. Толковый словарь языка карельских причитаний. Петрозаводск: Периодика, 2004. 304 с.
24. Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1978. 237 с.
25. Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX – начало XX в. Л.: Наука, 1985. 172 с.
26. Толстая С. М. Мотив расставания с волей (красотой) в свадебных причитаниях Русского Севера // Образ мира в тексте и ритуале. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. С. 271–297.
27. Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск: Карелия, 2000. 260 с.
28. Holmberg-Harva U. Kauko-Karjalan häärinot. Turku: Turun yliopiston kustantama, 1929. 290 s.
29. Karjalan kielen sanakirja / päätoim. P. Virtaranta. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura. Osa 1. 1968. 576 p.; Osa 2. 1974. 590 p.; Osa 3. 1983. 584 p.; Osa 5. 2005. 697 p.; Osa 6. 1997. 634 p.
30. Salminen V. Länsi-Inkerin häärinot: synty- ja kehityshistoria. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1917. 423 s.
31. Shvetsova V., Mironova V. The issue of ‘personal’ and ‘communal’ in the wedding lamentation and singing tradition of northern Karelians // Expressions and Impressions. Personal and Communal Aspects of Traditional Singing. Tartu: ELM Scholarly Press, 2018. Pp. 62–63.
32. Suomen kansan vanhat runot. Helsinki: SKS. Vol. I. ch. 3. 1919. 399 p.; Vol. II. 1927. 740 p.

References

1. Bayburin A. K. *Ritual v tradicionnoj kul'ture* [Ritual in traditional culture]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 1993. 242 p. (In Russian)

2. Bernstam T. A. *Molodezh' v obrjadovoj zhizni russkoj obshhiny XIX – nachala XX v. Polovozrastnoj aspekt tradicionnoj kul'tury* [Youth in the ritual life of the Russian community of the XIX – early XX centuries]. Leningrad: Nauka Publ., 1988. 280 p. (In Russian)
3. Burykin A. A., Popov V. A. *Russkaya terminologiya rodstva i svoystva: istoricheskaya dinamika, aksiologicheskie polya, kommunikativnyi diskurs* [Russian terminology of kinship: historical dynamics, axiological fields, communicative discourse]. Saint-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2020. 320 p. (In Russian)
4. Vinokurova I. Yu., Minvaleev S. A. *Pominal'naya obryadnost' karelov-lyudikov: areal'naya kharakteristika na fone obshchikh i lokal'nykh traditsiy sosednikh narodov* [Memorial rites of the Ladic Karelian people: areal characteristics against the background of common and local traditions of neighboring peoples]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2018, no. 4, pp. 152–170. (In Russian)
5. Ivanova L. I., Mironova V. P. *Dosvadebnaya obryadnost' i svadebnyy ritual karelov: issledovaniya i materialy* [Pre-wedding rites and wedding rituals of the Karelians: research and materials]. Petrozavodsk: Periodika Publ., 2018. 365 p. (In Russian)
6. Gura A. V. *Mekhanizmy sozdaniya novykh rodstvennykh otnosheniy v svadebnom obryade* [Mechanisms for creation of new relationships in a wedding ceremony]. *Kategoriya rodstva v yazyke i kul'ture* [Kinship category in language and culture]. Moscow: Indrik Publ., 2009. pp. 116–128. (In Russian)
7. *Karel'skie eygi* [Karelian eggs]. Ed. by N. A. Lavonen, A. S. Stepanova, K. Kh. Rautio. Petrozavodsk: Karel'skiy nauchnyy tsentr RAN Publ., 1993. 239 p. (In Karelian, Russian)
8. *Karel'skie prichitaniya* [Karelian lamentations]. Ed. by A. S. Stepanova, T. A. Koski. Petrozavodsk: Kareliya Publ., 1976. 532 p. (In Karelian, Russian)
9. Kachinskaya I. B. *Terminy svoystva v arkhangel'skikh govorakh: zhena syna – nevestka, snokha, molodka* [Terms of kinship in the Arkhangelsk subdialects: son's wife – daughter-in-law, young woman]. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova* [Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov], 2016, no. 3, pp. 163–167. (In Russian)
10. Kerbelite B. *Istoricheskoe razvitie struktur i semantiki skazok (na primere litovskikh volshebnykh skazok)* [Historical development of structures and semantics of fairy tales (on the example of Lithuanian fairy tales)]. Vilnius: Vaga Publ., 1991. 380 p. (In Russian)
11. Konkka U. S. *Poeziya pechali: karel'skie obryadovye plachi* [Poetry of sorrow. Karelian ritual laments]. Petrozavodsk: Karel'skiy NTs RAN Publ., 1992. 295 p. (In Russian)
12. Konkka A. P. *Svadebnaya obryadnost'* [Wedding rituals]. *Narody Karelii: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Peoples of Karelia: historical and ethnographic essays]. Petrozavodsk: Periodika Publ., 2019. pp. 174–194. (In Russian)
13. Krayushkina T. V. *Mir semejnykh otnoshenij v russkikh narodnykh skazkakh* [The world of family relations in Russian folk tales]. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 2005. 200 p. (In Russian)
14. Krinichnaya N. A. *Russkaya mifologiya: mir obrazov fol'klora* [Russian mythology: the world of folklore images]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 2004. 1008 p. (In Russian)
15. Kuznetsova V. P., Loginov K. K. *Russkaya svad'ba Zaonezh'ya (konets XIX – nachalo XX vv.)* [Russian wedding of Onega region (end of the XIX – early XX centuries)]. Petrozavodsk: KNTs RAN Publ., 2001. 328 p. (In Russian)
16. Loginov K. K. *Traditsionnyy zhiznennyy tsikl russkikh Vodlozer'ya: obryady, obychai i konflikty* [Traditional life cycle of the Russian people of Vodlozerje: rituals, customs and conflicts]. Moscow: Russkij Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke Publ., 2010. 424 p. (In Russian)
17. Meletinskij E. M. *Mif i istoricheskaja pojetika fol'klora* [Myth and historical poetics of folklore]. *Izbrannye stat'i. Vospominaniya* [Selected articles. Memories]. Moscow: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet Publ., 1998. pp. 11–32. (In Russian)
18. Olson L., Adonyeva S. *Traditsii, transgressiya: Miry russkoj derevenskoj zhenshchiny* [Traditions, transgression: Worlds of a Russian rural woman]. Transl. from the English language by A. Zinder. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 440 p. (In Russian)
19. Propp V. Ja. *Istoricheskije korni volshebnoj skazki* [Historical roots of a fairy tale]. Moscow: Labirint Publ., 2000. 336 p. (In Russian)
20. Rakhimova E. G. *Vodoplavayushchie ptitsy v runakh kaleval'skoj metriki* [Waterfowl birds in the runes of Kalevala metrics]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences], 2015, no. 8, pp. 46–55. (In Russian)
21. Selivanov F. M. *Poetika bylin v istoriko-filologicheskom osvezhenii* [Poetics of legends in historical and philological coverage]. Moscow: Krug Publ., 2009. 312 p. (In Russian)
22. *Slovar' karel'skogo yazyka* [Dictionary of the Karelian language]. Ed. by G. N. Makarov. Petrozavodsk: Kareliya Publ., 1990. 495 p. (In Karelian, Russian)
23. Stepanova A. S. *Tolkovyy slovar' yazyka karel'skikh prichitanij* [Explanatory dictionary of the language of Karelian lamentations]. Petrozavodsk: Periodika Publ., 2004. 304 p. (In Karelian, Russian)
24. Surkhasko Yu. Yu. *Karel'skaya svadebnaya obryadnost' (konets XIX – nachalo XX v.)* [Karelian wedding ceremony (end of the XIX – early XX centuries)]. Leningrad: Nauka Publ., 1978. 237 p. (In Russian)
25. Surkhasko Yu. Yu. *Semeynye obryady i verovaniya karel. Konets XIX – nachalo XX v.* [Family rituals and beliefs of the Karelians. End of the XIX – early XX centuries]. Leningrad: Nauka Publ., 1985. 172 p. (In Russian)
26. Tolstaya S. M. *Motiv rasstavaniya s volej (krasotoj) v svadebnykh prichitanijakh Russkogo Severa* [The motif of

parting with will (beauty) in wedding lamentations of the Russian North]. *Obraz mira v tekste i ritual* [The image of the world in text and a ritual]. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo Publ., 2015. pp. 271–297. (In Russian)

27. Fedotova V. P. *Frazeologicheskiy slovar' karel'skogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Karelian language]. Petrozavodsk: Kareliya Publ., 2000. 260 p. (In Karelian, Russian)

28. Holmberg-Harva U. *Kauko-Karjalan häärinot*. Turku: Turun yliopiston kustantama, 1929. 290 p. (In Finnish)

29. *Karjalan kielen sanakirja / päätoim.* P. Virtaranta. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura. Vol. 1. 1968. 576 p.; vol. 2. 1974. 590 p.; vol. 3. 1983. 584 p.; vol. 5. 2005. 697 p.; vol. 6. 1997. 634 p. (In Finnish)

30. Salminen V. *Länsi-Inkerin häärinot: synty- ja kehityshistoria*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1917. 423 p. (In Finnish)

31. Shvetsova V., Mironova V. *The issue of 'personal' and 'communal' in the wedding lamentation and singing tradition of northern Karelians*. Expressions and Impressions. Personal and Communal Aspects of Traditional Singing. Tartu: ELM Scholarly Press. 2018. pp. 62–63. (In English)

32. *Suomen kansan vanhat runot*. Helsinki: SKS. Vol. I. p. 3. 1919. 399 p.; Vol. II. 1927. 740 p. (In Finnish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Миронова Валентина Петровна, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (185910, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11), кандидат филологических наук.

tutkija@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6310-5561

ABOUT THE AUTHOR

Mironova Valentina Petrovna, Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (185910, Russian Federation, Republic of Karelia, Petrozavodsk, Pushkinskaya st., 11), Candidate of Philological Sciences.

tutkija@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6310-5561